

УДК 1(091)
172.1.321

КАНТ МЕЖДУ ЛИБЕРАЛИЗМОМ И КОНСЕРВАТИЗМОМ¹

В. А. Чалый*

Кант имеет репутацию одного из виднейших защитников политического либерализма. Однако в его философии заметны и консервативные идеи. Представляется, что их последствия достаточно глубоки для того, чтобы предложить пересмотреть сложившуюся оценку Канта как безоговорочного «либерала». В целом либеральное представление о ценностях и целях политического процесса в философии Канта (далекое, однако, от крайностей плюрализма и индивидуализма некоторых современных либеральных концепций) в значительной мере уравновешивается сдержанной оценкой перспектив их достижения, основанной на понимании человеческой природы в рамках «практической антропологии», сходном с консервативным скептицизмом. Либерализм Канта находится в плоскости, которую он сам называет «метафизической», «чистой», в то время как его оценка «эмпирических», «реальных» перспектив осуществления либерального проекта близка к консервативной.

Ключевые слова: либерализм, консерватизм, политическая антропология, «практическая антропология» Канта.

Существует несколько способов дать определения понятиям «либерализм» и «консерватизм». Наименее удачный из них состоит в перечислении некоторого ряда политических вопросов, на которые либерализм и консерватизм дают различные ответы. Всё, что удастся достичь этим способом, — это вскрыть историческую обусловленность отдельных политических решений: то, что называлось либеральным в XVII веке, вполне может называться консервативным через три столетия (пример — защита личных прав и свобод (*liberties*) неоконсерваторами). Полученные так определения либерализма и консерватизма оказываются недостаточно четкими.

Намного более удачным кажется способ, начинающий с противопоставления

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта №12-03-0321 «Исследование влияния политической философии Канта на современные западные политические теории».

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 20.08.2014 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2014-4-4

© Чалый В. А., 2014

антропологических оснований либерализма и консерватизма. Такой подход предлагает, в частности, оценивающий либерализм извне Карл Шмитт: «Все теории государства и политические идеи можно испытать в отношении их антропологии и затем подразделить в зависимости от того, предполагается ли в них, сознательно или бессознательно, “по природе злой” или “по природе добрый” человек» (Шмитт, 1922, с. 57). Либерализм исповедует антропологический оптимизм (умеренный, что отличает его от различных версий политического радикализма), консерватизм — антропологический пессимизм, первому свойственны преобразовательские, высвобождающие устремления, второму — реакционные, сдерживающие.

Начало сохраняющегося и сегодня противостояния либерального и консервативного стилей политического мышления, как известно, восходит к концу XVIII века, времени появления теорий Эдмунда Бёрка, Жозефа де Местра, Луи де Бональда, ставших реакцией на рационалистический оптимизм просветителей и вызванные им политические потрясения. Кант, как известно, с величайшим вниманием следил за Французской революцией. Его симпатия намерениям революционеров и решительный отказ в осуществимости этих намерений революционными средствами составляют, пожалуй, один из самых драматичных внутренних конфликтов его философии. Можно утверждать, что политическая теория Канта основана на напряженном сочетании либерализма и консерватизма, «чистой моральной философии» и «практической антропологии» (о которой см., напр., Loudon, 2000, 2011; Клемме, 2010).

Что заставляет нас считать Канта либеральным философом? Прежде всего характер ценностей и целей, которым он привержен. Политический процесс в самом общем виде представляется им как становление автономной, то есть разумной и свободной, личности в гражданско-правовом состоянии, которое постепенно совершенствуется качественно, приближая право к морали, и количественно, распространяясь на весь мир. Происходит это в ходе процесса просвещения, к которому, насколько мы можем судить, человека подталкивает природа.

Вот лишь несколько цитат, иллюстрирующих эти тезисы и взятых из двух трактатов, написанных 230 лет назад, в 1784 году:

Люди сами в состоянии выбраться постепенно из невежества, если никто не стремится преднамеренно удержать их в этом невежестве (Кант, т. 6, с. 36).

...то, что представляется запутанным и не поддающимся правилу у отдельных людей, можно было бы признать по отношению ко всему роду человеческого как неизменно поступательное, хотя и медленное, развитие его первичных задатков (Кант, т. 6, с. 12).

Историю человеческого рода в целом можно рассматривать как выполнение тайного плана природы — осуществить внутренне и для этой цели также внешне совершенное государственное устройство как единственное состояние, в котором она может полностью развиться (Кант, т. 6, с. 23).

Я не буду продолжать список цитат — то, что Кант выдвигает либеральные тезисы, не нуждается в защите. Позвольте сосредоточиться на том, что сближает его с консерватизмом. Прежде всего это весьма сдержанное представление о человеке, которое трудно назвать оптимистическим, выраженное в том, что он назвал «практической антропологией», отличной от «чистой философии морали». Обладая свободой следовать моральному закону в теории («метафизически»), человек на практике в каждой попытке

ее проявления сталкивается с противодействием природы, прежде всего собственной. Наиболее полно кантовское видение изложено в «Религии...»: реализуя задатки *животности, человечности и личности* и пытаясь подчинить два первых нравственному голосу последнего, человек сталкивается с *хрупкостью, недобросовестностью и злонаправимем*, также присущими человеческой природе и составляющими *наклонность к злу* (Кант, т. 6, с. 25–28).

Кант делает существенную оговорку, указывая на то, что наклонность к злу составляют *естественные* свойства человека, известные из опыта, а не *чистые*, вытекающие из понятия рода (Кант, т. 6, с. 36). Однако проявление этих свойств настолько повсеместно, что их наличие у каждого человека не вызывает сомнения.

...человек (даже лучший) зол только потому, что, принимая мотивы в свои максимы, он переворачивает их нравственный порядок: он, правда, принимает в них моральный закон рядом с законом себялюбия, но, так как он убедился в том, что один не может существовать рядом с другим, а должен подчиниться другому как своему высшему условию, он делает мотивы себялюбия и его влечения условием соблюдения морального закона (Кант, т. 6, с. 37).

Эта наклонность к злу «не может быть истреблена человеческими силами», но «должна быть возможность превозмочь ее». Примечательно, что возможность не «*есть*», а «*должна быть*». Кантовский человек обречен на поиски этой возможности, и единственное место, где он в принципе может ее найти, — в себе самом. Однако на этом пути человек постоянно сталкивается с собственным несовершенством. Вот знаменитое «Положение шестое» из «Идеи...»:

...человек есть *животное, которое*, живя среди других членов своего рода, *нуждается в господине*. Дело в том, что он постоянно злоупотребляет своей свободой в отношении своих ближних; и хотя он, как разумное существо, желает иметь закон, который определил бы границы свободы для всех, но его корыстолюбивая животная склонность побуждает его, где это ему нужно, делать для самого себя исключение. Следовательно, он нуждается в *господине*, который сломил бы его собственную волю и заставил его подчиняться общепризнанной воле, при которой каждый может пользоваться свободой. Где же он может найти такого господина? Только в человеческом роде. Но этот господин также есть животное, нуждающееся в господине. Поэтому, как ни поступит человек в данном случае: предоставит ли он верховную власть одному или сообществу многих избранных для этой цели лиц, нельзя понять, как он создаст себе главу публичной справедливости, который сам был бы справедлив. Ведь каждый облеченный властью всегда будет злоупотреблять своей свободой, когда над ним нет никого, кто распорядился бы им в соответствии с законами. Верховный глава *сам* должен быть справедливым и в то же время должен быть *человеком*. Вот почему эта задача самая трудная из всех; более того, полностью решить ее невозможно; из столь кривой тесины, как та, из которой сделан человек, нельзя сделать ничего прямого. Только приближение к этой идее верила нам природа (Кант, т. 6, с. 19).

Эта оценка довольно далека от либерального антропологического оптимизма. Прогресс нравов, а с ним и прогресс политического видится Канту процессом, требующим усилий, способность человека к которым он оценивает сдержанно. Если этот процесс и возможен, то потому, что нужен

некой «природе», внешней силе, заставляющей человека преодолевать собственные ограничения. Кант готов признать риск неудачи человека и человечества на пути морально-политического прогресса, который в наиболее благоприятном случае займет необозримо длительное время. Кантовский антропологический скепсис сходен со скепсисом консерватизма.

Другая особенность, отличающая Канта от классических и современных либералов, — это специфичность его индивидуализма. Либерализм, отстаивающий права личности перед обществом, государством и так далее, безусловно, является индивидуалистической доктриной. Но давайте припомним к индивидуализму Канта. Три основных формулы категорического императива утверждают необходимость соответствия максимы индивидуального поведения роли *всеобщего* закона, необходимость относиться к *человечеству* как к цели, необходимость опираться на идею воли *всякого* разумного существа как устанавливающую *всеобщее* законодательство. Можно сказать, что нравственной личностью становится, в каком-то смысле лишь подчиняя себя *коллективной, универсальной* воле. Это очень сильно отличается от индивидуализма, например, Бентама.

Пример того, что происходит, когда принципы кантовской философии начинают трактовать в сугубо индивидуалистском ключе, дает нам Роберт Нозик, который в своей работе «Анархия, государство и утопия» пытается привлечь Канта на сторону либертарианства. В его интерпретации вторая формула категорического императива звучит как «человек — это цель, а не просто средство; людьми нельзя жертвовать или использовать для достижения каких-нибудь целей без их согласия. Индивид неприкосновенен» (Нозик, 2008, с. 27). В этом пересказе второй формулы категорического императива сразу привлекает внимание замена «человечества» «человеком». Кантовская формулировка сложнее: относиться *так же*, как к цели и никогда только как к средству, к *человечеству* и *человечности* в своем лице и в лице другого. То есть императив касается не эмпирического субъекта, человека во всей полноте его актуальных недостатков и потенциальных достоинств, а субъекта трансцендентального, того, который, согласно Канту, актуализирован в конкретном человеке всегда отчасти и только в человечестве, возможно и в необозримой перспективе, — полностью.

Таким образом, Кант не возводит изъятый отдельного человека в ранг неприкосновенной ценности наряду с достоинствами, в его теории индивидуализм ограничен и уравновешен необходимостью осуществления коллективных интересов, интересов *человечества*. И это также отдаляет его от либерализма.

Отличным от либерального является отношение Канта к возможности неподчинения «несправедливой» власти. Локк, Юм, Руссо, Бентам прямо утверждают либо подразумевают возможность неподчинения власти, нарушающей законы разума, права граждан, общественный договор, но Кант многократно повторяет обратное. Решая проблему легитимности эмпирической власти, он неожиданно оказывается в одном лагере с Гоббсом: «Властелин государства имеет в отношении подданных одни только права и никаких обязанностей, к которым можно было бы его принудить» (Кант, т. 4 (2), с. 241). При этом, в отличие от Гоббса, он вынужден увязывать чистую автономию морального субъекта и его же эмпирическую гетерономию по отношению к государству, четыре формулы категорического императива с «пятой»: «повинуйтесь правительству, имеющему над вами власть (во

всем, что не противоречит внутренне моральному) — это категорический императив» (Кант, т. 4 (2), с. 301). Поскольку всякая власть имеет в основании насилие и видимую несправедливость (зная это, Кант запрещает народу доискиваться истоков власти), подчинение ей, тем более подчинение без вопрошания, по-видимому, неизбежно конфликтует с «внутренне моральным».

Не вдаваясь здесь в анализ возможностей выхода из этого противоречия требований моральной самодетерминации и безусловного подчинения любой, даже кажущейся злонамеренной, власти, следует обозначить наиболее перспективную из намеченных в современной литературе (Louden, 2000, 2011) линий рассуждения. Она состоит в том, что для Канта, в отличие от теоретиков естественного права, и прежде всего Локка, гражданско-правовое состояние есть эмпирическое условие морального состояния, предшествует ему (см., напр., определение правового состояния в «Метафизике нравов» части 1, §41, 44, а также Заключение), и подчинение государству, таким образом, есть условие осуществления автономии — во всяком случае для человека реального, понимаемого в рамках «эмпирической» антропологии. Такая трактовка поддерживает консервативное прочтение Канта и сближает его с такими «реалистами», как Макиавелли и Гоббс.

Лекции «О педагогике» в силу своего предмета раскрывают оптимистическую сторону комплекса кантовских взглядов на человеческую природу. Именно в воспитании Кант видит надежду на медленное моральное совершенствование будущих поколений людей. Однако и здесь его оценки сдержанны: человек «не более того, что делает из него воспитание», и «человечество принуждено само, собственными усилиями вырабатывать те свойства, что составляют “человеческую природу”» в процессе, потенциально уходящем в бесконечность.

Наконец, современный либерализм, даже наиболее приближенный к Канту эгалитарный либерализм Джона Ролза, плюралистичен, Кант же является подчеркнутым универсалистом. Исследуя интерпретацию категорического императива Ролзом (Чалый, 2013), мы видим, что Ролз детально анализирует *интересы* и принципиально оставляет пустым понятие *цели* разумной человеческой деятельности, уходит от универсализма — и этим превращает кантовский категорический императив в гипотетический.

Таким образом, мы можем заключить, что в целом либеральное представление о ценностях и целях политического процесса в философии Канта (далекое, однако, от крайностей плюрализма и индивидуализма некоторых современных либеральных концепций) в значительной мере уравновешивается сдержанной оценкой перспектив их достижения, основанной на понимании человеческой природы, сходном с консервативным скептицизмом. Либерализм Канта находится в плоскости, которую он сам называет «метафизической», «чистой», в то время как его оценка «эмпирической», реальной антропологической «стартовой позиции» либерального проекта гораздо ближе к консервативной, чем принято считать.

Список литературы

1. Кант И. Сочинения в шести томах. М., 1963–1966.
2. Клемме Х. Понятие антропологии в философии И. Канта // Кантовский сборник. 2010. Вып. 3(33). С. 24–32.

3. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М., 2008.
4. Чалый В.А. Интерпретация категорического императива Джоном Ролзом в «Теории справедливости» // Кантовский сборник. 2013. Вып. 2 (44). С. 46–52.
5. Соловьёв Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М., 2005.
6. Шмитт К. Политическая теология. М., 2000.
7. Beck, L.W., 1971. Kant and the Right of Revolution // Journal of the History of Ideas. Vol. 32, № 3, Jul-Sep. 1971.
8. Flikschuh, K., 2008. Reason, Right, and Revolution: Kant and Locke // Philosophy & Public Affairs. Vol. 36, № 4 (Fall, 2008). P. 375–404.
9. Insole, Ch. Two Conceptions of Liberalism. Theology, Creation, and Politics in the Thought of Immanuel Kant and Edmund Burke // The Journal of Religious Ethics. Vol. 36, № 3, Sep. 2008.
10. Louden, R. Kant's Human Being: Essays on His Theory of Human Nature. Oxford University Press, 2011.
11. Louden, R. Kant's Impure Ethics. From Rational Beings to Human Beings. Oxford University Press, 2000.
12. Seebom, Th. Kant's Theory of Revolution // Social Research. Vol. 48, № 3 (Autumn, 1981). P. 557–587.

Об авторе

Вадим Александрович Чалый — канд. филос. наук, доц., заведующий кафедрой философии Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, vadim.chaly@gmail.com

KANT BETWEEN LIBERALISM AND CONSERVATISM

V. A. Chaly

Kant has a reputation of one of the chief proponents of political liberalism. However, some of his important ideas can qualify as conservative. Their consequences are reaching far enough to suggest a reevaluation of Kant as an unconditional liberal. Kant's generally liberal understanding of aims and values of a political process (which is, however, quite remote from the pluralism and individualism of some contemporary theories) is balanced by his reservations concerning the prospects of their realization, based on his «empirical anthropology», which is remarkably close to conservative skepticism. Kant's liberalism lies in the domain that he called «pure» or «metaphysical», whereas his «empirical», «real-world» estimation of the prospects of liberal project is approaching conservatism.

Key words: liberalism, conservatism, political anthropology, Kant's «practical anthropology».

References

1. Kant, I. *Sochineniya v 6 tomah* [Works in 6 volumes]. Moscow, 1963–66.
2. Klemme, H. 2010. Ponyatie antropologii v filosofii Kanta. [The Notion of Anthropology in Kant's Philosophy] *Kantovsky Sbornik*, № 3 (33), p. 24–32.
3. Nozick, R. *Anarchia, gosudarstvo i utopia* [Anarchy, State and Utopia]. Moscow, 2008.
4. Chaly, V.A. 2013. Interpretatsia kategoricheskogo imperativa Johnom Rawlsom v «Teorii spravedlivosti» [Interpretation of Categorical Imperative by John Rawls in «Theory of Justice»] *Kantovsky Sbornik*, № 2 (44). p. 46–52.
5. Solovyev, E.Y. 2005. *Kategoricheskij imperativ nraostvennosti i prava*.
6. Schmitt, C. 1922. *Politicheskaya teologia* [Political Theology].

7. Beck, L.W. 1971, Kant and the Right of Revolution // *Journal of the History of Ideas*. Vol. 32, no. 3, Jul-Sep.
8. Flikschuh, K. 2008, Reason, Right, and Revolution: Kant and Locke. *Philosophy & Public Affairs*, Vol. 36, no. 4 (Fall, 2008), pp. 375–404.
9. Insole, Ch. 2008, Two Conceptions of Liberalism. Theology, Creation, and Politics in the Thought of Immanuel Kant and Edmund Burke // *The Journal of Religious Ethics*. Vol. 36, no. 3, Sep.
10. Louden, R. 2011, *Kant's Human Being: Essays on His Theory of Human Nature*. Oxford University Press.
11. Louden, R. 2000, *Kant's Impure Ethics. From Rational Beings to Human Beings*. Oxford University Press.
12. Seebom, Th. 1981, Kant's Theory of Revolution, *Social Research*, Vol. 48, no. 3 (Autumn, 1981), pp. 557–587.

About the author

Dr. Vadim Chaly, Head of Department of Philosophy, Immanuel Kant Baltic Federal University, vadim.chaly@gmail.com